

– Якши, – сказал комендант, – ты у меня заговоришь...»».

Во вьетнамском тексте:

“Иван Кузьмич продолжал:

– Что же ты молчишь? Может быть, ничего не понимаешь по-русски? Юлай, ты попробуй местным языком спросить у него, кто его направил в нашу крепость?

Юлай повторил по-татарски. Но башкирец столбенел с тупым видом как обычно и не отвечал ни слова.

Комендант крепости сказал:

– Ладно, посмотрим, сможешь ли ты еще долго молчать?..” [4, с. 286].

Сложность ситуации здесь связана с тем, что татарский язык был в то время языком межнационального общения для восточных народов России, потому-то калмык пытается объясниться с башкирцем по-татарски. Все это тоже чрезвычайно сложно для далекой от России страны.

Не надо думать, однако, что во всех подобных случаях адекватный художественный перевод невозможен. Например, одну из сентенций генерала Р., в русском оригинале звучащую “Рассеянье вредно молодому человеку”, Као Суан Хао не просто заменяет вьетнамской поговоркой “Лень – мать всех пороков” (*ньян кы ви бат тхиен*), но и оформляет ее на старом литературном языке венянь (по китайским иероглифам), что вполне уместно в устах старого человека, чуждого притом окружающей культуре. Так же оформлено евангельское речение отца Герасима: “Нестъ спасения во многом глаголении” (в переводе половица: “Больше языка – меньше ума”). В некоторых случаях венянь художественно адекватен старославянскому языку, являющемуся для русских писателей важным средством создания лингво-стилистического колорита, позволяющим придать произведению (или фрагментам его) торжественность и патетичность.

Проблема стилистической адекватности становится особо острой при переводе русской ономастики (системы имен) и шире – воссоздания привычных в беседе обращений.

Что касается имен, в “Капитанской дочке” представлен весь их спектр, позволяющий оттенить в каждом случае социальное положение персонажей. Дворяне здесь, как в авторском тексте, так и в диалогах, называются по имени, отчеству (а при первом представлении по имени, отчеству и фамилии): Андрей Петрович Гринев, Авдотья Васильевна Ю., Андрей Карлович Р., Иван Иванович Зурин, Иван Кузьмич Миронов, Алексей Иванович Швабрин), по имени-отчеству они, как правило, общаются и между собой (особенно в официальной переписке). Само собой, так их именуют и люди низшего социального строя, но

здесь нередко происходит просторечное сокращение отчества: Петр Андрейч, Иван Игнатъич и т.п. В офицерской среде, впрочем, принято обращаться при приятельских отношениях лишь по фамилии (Зурин, Швабрин, Гринев), фамилия называется в сочетании с титулом или званием: князь Б., капрал Прохоров, капрал Белобородов, генерал-майор Траунберг. Казаки и казачки (и в этом отчасти проявляется привилегированность этого сословия) именуется, как правило, по фамилии – иногда с прибавлением полного имени в связи с частой повторяемостью фамилий в одной местности: Иван Полеваев, Семен Кузов, Устинья Неуглина, Емельян Пугачев.

Детей и молодых людей из дворян называют уменьшительно-ласкательными именами: Петруша, Маша; слуг и крепостных уменьшительно-пренебрежительно: прачка Палашка, коровница Акулька, Палашка (дворовая у капитана Миронова); но если они занимают несколько привилегированное положение и немолоды – возникает уважительное именование по отчеству: Савельич, Антипьевна, Наумыч, Максимыч. В добавление к именам в русском языке XVIII в. существовала гибкая система обращений, столь же значимых, как и вариативность имен: “сударь” (к господам), уважительные (иногда заискивающие): “добрый человек”, “батюшка”, “матушка”, “отец родной”, “ангел мой”, “друг мой”, “старинушка”, “государь мой”, “детушки” (Миронов солдатам), “красная девица”; фамильярные: “брат”, “братец”, “дядя”.

Здесь очерчена норма (этикет) общения, всякое отступление от которой играет важную стилистическую роль, что тонко отмечается в необходимых случаях Пушкиным.

Родители зовут Гринева ласково – “Петруша”, но прощая на службу, отец говорит ему (чувствуя торжественность минуты и ответственность жизненного шага): “Прощай, Петр!”, в письме к Савельичу он тоже именуется его “сын Петр”, “сын Петр Андреевич”. Своего дядьку герой зовет привычно по отчеству, но в торжественную минуту, прощаясь с ним и прося об одолжении, именуется: “друг мой, Архип Савельич”. Столь же значительно мысленное ласковое обращение Гринева к Пугачеву при известии о его пленении: “Эх, Емеля, Емеля...”

Несколько раз в романе Пушкин специально оттеняет всю этикетную сложность имен и обращений в русском языке. Мы уже цитировали комментарий генерала Р. к обращениям в официальном письме отца Гринева (“это что за церемонии” и потом: “Позволишь без чинов обнять себя и ... старым товарищем и другом” – а! Наконец догадался). Перед казнью кривой поручик (выслужившийся из солдат) говорил Пугачеву: “Ты, дядюшка, вор и самозванец”, и в форме обраще-